DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-27-63

Кр. Алексова

Софийский университет имени Св. Климента Охридского,
1504 г. София, Республика Болгария

Пять типологических индексов парадигмы глагола в современном болгарском языке

В данной работе представлены результаты вычисления некоторых типологических характеристик эвиденциальной парадигмы современного болгарского языка на основе индексов Г. Герджикова. Выбор подхода связан с тем, что индексы Г. Герджикова опираются на данные, извлекаемые из парадигм, а не из текста, который зависим от стиля, регистра, темы и др., как в случае индексов Дж. Гринберга. В связи с наличием вариантности в микропарадигме отрицательных форм времен следования в конклюзиве, ренарративе и дубитативе сопоставляются пять типологических индексов Г. Герджикова для 14 эвиденциальных микропарадигм в современном болгарском языке: индексы степени аналитизма, синтетизма, композитности, маркированности члена парадигмы и дискретизации грамматической информации.

Ключевые слова: типологические индексы, дубитатив, ренарратив, конклюзив, индикатив, синтетизм, аналитизм, композитность, маркированность члена парадигмы, дискретизация грамматической информации

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Алексова Кр. Пять типологических индексов парадигмы глагола в современном болгарском языке // Рема. Rhema. 2022. № 3. С. 27–63. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-27-63

© Алексова Кр., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-27-63

Kr. Aleksova

Sofia University St. Kliment Ohridski,
Sofia, 1504, Republic of Bulgaria

Five typological indices of the verb paradigm in modern Bulgarian

The research deals with the calculation of some typological characteristics of the evidential paradigm in modern Bulgarian following G. Gerdzhikov's theoretical view on typological indices. Gerdzhikov's indices rely on data taken from paradigms, contra to J. Greenberg's approach, which is based on texts, that generally bear information about style, register, themes, etc. In the Bulgarian conclusive, renarrative and dubitative, variability in the microparadigm of negative posterior tenses is observed, which brings the comparison of five indices found in Gerdzhikov's theory: degree of analyticity, degree of syntheticity, degree of composition, degree of markedness of a paradigm member and the discretization of the grammatical information of 14 evidential microparadigms in modern Bulgarian.

Key words: typological indices, dubitative, renarrative, conclusive, indicative, syntheticity, analyticity, markedness of a paradigm member, discretization of the grammatical information

FOR CITATION: Aleksova Kr. Five typological indices of the verb paradigm in modern Bulgarian. *Rhema.* 2022. No. 3. Pp. 27–63. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-27-63

1. Введение

Основная задача данной работы – представить пять типологических индексов глагольной парадигмы в болгарском языке: индексов синтетизма, аналитизма, композитности, степени маркированности и индекса дискретизации грамматической информации в плане выражения. Эти индексы были предложены и теоретически обоснованы Георгием Герджиковым [Герджиков, 1983], но они не вычислены и не описаны для парадигмы глагола в современном болгарском языке. Поэтому основная наша цель состоит в том, чтобы вычислить и описать эти индексы,

продемонстрировав их значительный объяснительный потенциал, который дает возможность сопоставлять различные языки и различные диахронические состояния одной и той же парадигмы в рамках одного языка.

Типологические индексы, которые представляют собой количественный метод сопоставления парадигм в одном или нескольких языках, являются важным инструментом, который позволяет с типологической точки зрения анализировать состояния языковых парадигм. Типологические индексы дают возможность сопоставлять даже такие языки, которые принадлежат к разным морфологическим типам, и их применение увеличивает объяснительную силу лингвистической типологии.

Наиболее известным является подход к разработке типологических индексов, предложенный Дж. Гринбергом. Он представил в качестве количественного подхода к типологической морфологии индексы, которые вычисляются на основе текстов в 100 слов. Это индекс синтетизма (число морфем к числу слов), агглютинации (число агглютинативных конструкций к числу морфемных границ), индекс образования сложных слов (число корневых морфем к числу слов), деривационный индекс (число деривационных морфем к числу слов), индекс словоизменения (число флективных морфем к числу слов), индекс префиксации (число префиксов к числу слов), индекс суффиксации (число суффиксов к числу слов), а также еще 3 индекса, связанные с порядком слов и согласованием [Greenberg, 1960]. Как видно, все это индексы контекстно зависимые, на которые может оказать влияние специфика текста, тема, стиль, регистр и мн. др. По нашему мнению, они могут быть адекватно применимы лишь при сопоставлении индексов, извлеченных из одного и того же текста на разных языках.

После работ Дж. Гринберга проблематика типологических индексов как метода описания грамматики включена в более широкий круг исследований в рамках квантитативной лингвистики [Köhler, Altmann, Piotrowski, 2005; Cysouw, 2007 и др.], обсуждаются также понятия иерархии и шкалы в типологии [Bornkessel-Schlesewsky, Malchukov, Richards, 2015] и т.д.

В настоящей работе мы обратимся к другому подходу к применению типологических индексов, который разработан болгарским лингвистом Георгием Герджиковым [Герджиков, 1983]. В своих работах он выводит некоторые общие типологические зависимости, представленные индексами, а также панхронические законы грамматических парадигм [Герджиков, 1990, 1997, 2013]. Указанные труды могут рассматриваться как продолжение исследований развития индоевропейских языков к аналитизму, предпринятых в двух его предшествующих публикациях [Герджиков, 1983, 1987]. В упомянутых работах Г. Герджиков

представляет комплекс индексов, которые составляют основу выведения законов грамматических парадигм. Далее мы остановимся только на пяти из этих индексов: степень аналитизма, степень синтетизма, степень композитности, средняя степень маркированности члена парадигмы и степень дискретизации грамматической информации в плане выражения.

При сопоставлении индексов Дж. Гринберга и Г. Герджикова обращает на себя внимание, во-первых, то, что индексирование у Дж. Гринберга базируется на показателях текста в 100 слов, а у Г. Герджикова – на данных парадигм одной части речи. Во-вторых, понимание синтетизма у этих авторов существенно различается. Г. Герджиков обоснованно критикует идею Дж. Гринберга о том, что синтетизм можно представить как отношение числа морфем к числу слов. Подобное отношение, по мнению Г. Герджикова, характеризует степень полиморфемности слова, а не показатель степени синтетизма [Герджиков, 1983]. Несостоятельность отношения, которая содержится в этом индексе Гринберга, проявляется при сопоставлении этого индекса и соответствующего ему индекса аналитизма (число слов к числу морфем), вычисленных по методу Гринберга У. Коугилом [Cowgill, 1966] и Г. Герджиковым [Герджиков, 1983] по отношению к староболгарским текстам, и Й. Линдстедтом – по отношению к современному болгарскому языку на четырех текстах [Lindstedt, 1981]. Из этого сравнения вытекает, что староболгарский язык обладал более высокой степенью аналитизма, чем современный болгарский, что Г. Герджиков характеризует как удивительный и странный результат [Герджиков, 1983], потому что он не отвечает действительному положению дел.

2. Пять типологических индексов парадигмы глагола в современном болгарском языке

В настоящей работе мы принимаем положение Г. Герджикова о том, что степень аналитизма (*a*) представляет собой отношение числа микрословоформ[1] (μ) в рамках членов одной парадигмы к числу

[1] Под микрословоформами понимаются элементарные единицы, из которых состоит одна словоформа, напр. *пиша* имеет одну микрословоформу, *ще пиша* – две, *щях да пиша* – три и т.д. Под членом парадигмы имеется в виду грамматически оформленная синтетическая или аналитическая глагольная словоформа, выражающая обязательные грамматические значения в данном языке; например, наст. вр. индикатива в болгарском языке имеет 6 членов, а перфект в индикативе – 12 членов. Положительные семантические нагрузки – это выражаемые дифференциальные признаки данного члена парадигмы одной части речи, что значимо для степени маркированности каждого члена. В целом используемый здесь термин “микрословоформа” синонимичен термину „компонент аналитического слова» в русской грамматической традиции.

положительных семантических нагрузок (*p*), содержащихся в этих микрословоформах. Герджиков дает для этого индекса следующее математическое выражение: $a = \mu/p$ [Герджиков, 1990, с. 152; Герджиков, 2013, с. 287]. В его понимании развитие к аналитизму представляет собой «тенденцию к прогрессивному сокращению среднего количества приходящейся на микрословоформу грамматической информации, выражаемой флективной аффиксацией» [Герджиков, 1990, с. 151].

Индекс синтетизма (*s*) вычисляется через обратное отношение между числом позитивных дифференциаторов и числом микрословоформ: $s = p/\mu$ [Там же, с. 152; Герджиков, 2013, с. 287]. Высокие показатели этого индекса свидетельствуют о высокой степени выражения грамматических значений в рамках микрословоформ посредством флективной аффиксации, а не посредством агглютинации, супплетивизма или внутренней флексии.

Одним из важных индексов, связанных с развитием языка от синтетизма к аналитизму, является индекс степени композитности (*c*). Герджиков представляет его в численном виде как отношение числа микрословоформ к числу членов парадигмы (*U*): $c = \mu/U$. Этот индекс дает информацию о том, «из скольких микрословоформ в среднем состоит одна макрословоформа, т.е. означающее одного члена» [Герджиков, 1990, с. 153].

Герджиков вводит и индекс, являющийся показателем объема парадигмы, поскольку он представляет среднюю степень маркированности члена парадигмы (*m*), т.е. показывает, сколько положительных семантических дифференциаторов несут на себе в среднем члены одной парадигмы: $m = U/p$. Обратный индекс $\bar{m} = p/U$ является показателем бедности парадигмы, выражающейся или в аморфологичности, или в деморфологизации [Там же, с. 153; Герджиков, 2013, с. 288–289].

Следующий анализируемый здесь индекс – это индекс дискретизации грамматической информации в плане выражения, предполагающий исследование того, на сколько формальных показателей распределяются выражаемые грамматические значения.

Согласно Г. Герджикову, среднюю степень формальной дискретизации грамматической информации (*d*) можно выразить через отношение числа грамматических морфем в парадигме (*M*) к числу положительных дифференциалов (положительных семантических признаков) (*p*): $d = M/p$ [Герджиков, 1990, с. 154]. В агглютинативных языках, где грамматические морфемы однозначны и однотипны, показатель *d* высокий, а во флективных языках его значение увеличивается за счет упомянутых ранее тенденций к аналитическому развитию и приобретению агглютинативных черт, а также за счет деморфологизации – потери

грамматической (грамматических) категории (категорий). Г. Герджиков формулирует это как типологический закон, согласно которому степень дискретизации грамматической информации (*d*) зависит от следующего:

- деморфологизация *m* – индекс, показательный для деморфологизации или аморфологизма, который можно представить как соотношение между индексами аналитизма (*a*) и некомпозитности *c*: $\bar{m} = a \cdot \bar{c}$ [Герджиков, 2013, с. 291];
- развитие композитных форм (индекс *c*: $c = a \cdot m$, где *a* – степень аналитизма, а *m* – индекс степени маркированности члена парадигмы [Там же];
- полиморфемность – π, т.е. индекс, вычисляемый как отношение числа грамматических морфем *M* к числу микрословоформ в парадигме μ: $\pi = M/\mu$ [Герджиков, 2013, с. 293].

Г. Герджиков следующим образом представляет связь между тремя указанными индексами при формулировании закона степени дискретизации: $d = \bar{m} \cdot c \cdot \pi$ [Там же, с. 296]. Поэтому чтобы вычислить степень дискретизации грамматической информации в парадигме современного болгарского глагола, необходимо сначала вычислить индексы степени композитности (*c*) и степени грамматической полиморфемности (р), т.к. деморфологизация не коснулась глагольной парадигмы болгарского языка. Поэтому далее мы рассмотрим именно эти индексы.

Итак, далее будут сопоставлены указанные пять типологических индексов четырех болгарских эвиденциалов: индикатив, конклюзив, ренарратив, дубитатив.

Индикатив в болгарском языке выражает достоверность информации о ситуации, а при временах прошлого – свидетельскую информацию о действии (1). Конклюзивом выражается вывод, обобщение, умозаключение (2). Ренарратив представляет передачу чужой информации (3), а дубитатив выражает недоверие при передаче чужого сообщения (4) [Герджиков, 1984; Куцаров, 2007; Ницолова, 2007, 2008; Smirnova, 2013; Макарцев, 2014; Търпоманова, 2014; Алексова, 2015 и др.]. Эти четыре члена образуют в болгарском языке категорию эвиденциальности, каждый член этой категории мы будем называть эвиденциалом.

(1) Иван **замина** на екскурзия.
‘Иван уехал на экскурсию’ (индикативный аорист, свидетельская достоверная информация).

(2) Вероятно **е щял** да ти **се обади**.
‘Предполагаю/Наверное, он должен был тебе позвонить’ (конклюзивная форма будущего в прошедшем).

(3) Иван **заминал** на екскурзия.
‘Иван, говорят, поехал на экскурсию’ (ренарративный аорист).

(4) **Щял бил да заминава** за екскурзия, не е вярно!
‘На экскурсию он, мол, поедет, неправда!’
(дубитативное будущее)

Поясним, почему далее сравниваются 14 эвиденциальных микропарадигмы[2], а не 8 (по одной положительной и одной отрицательной для каждого из четырех эвиденциалов). Микропарадигм 14, т.к. отрицательные формы следования для конклюзива, ренарратива и дубитатива отличаются наличием трех вариантов (см. [Алексова, 2021а, 2021б]). Существующая вариантность отчасти обсуждалась и в исследованиях других ученых [Куцаров, 2007; Ницолова, 2008], а для целей настоящей работы и для предшествующих публикаций [Алексова, 2021а, 2021б] она проверена по электронным корпусам и особенно в Интернете, где спектр употреблений постоянно обновляется.

1. У конклюзива можно допустить наличие трех вариантов отрицательных форм для времен следования:

– доминирующий вариант с безличным формантом ***нямало е***, который присутствует во всех лицах в ед. ч. и мн. ч. (напр. *нямало е да чета*, *нямало е да съм* / *бъда чел*, *-а*, *-о*, *нямало е да съм* / *бъда мит*, *-а*, *-о* и т.д.);
– вариант с формантом ***нямало съм***, в котором глагол *съм* спрягается по лицам и числам (*нямало съм да чета*, *нямало съм да съм*/*бъда чел*, *-а*, *-о*, *нямало съм да съм* / *бъда мит*, *-а*, *-о* и т.д.). Однако конклюзивные употребления этого варианта не были обнаружены в корпусах и Интернете, хотя указания на них имеются в некоторых работах [Куцаров, 2007, с. 388–405; Ницолова, 2008, с. 359–369];
– вариант, образованный с помощью частицы ***не***, которая ставится перед положительными конклюзивными формами (*не съм щял*, *а*, *-о да чета*, не *съм щял*, *-а*, *-о да съм* / *бъда чел*, *-а*, *-о*, не *съм щял да съм* / *бъда мит*, *-а*, *-о* и т.д.). Этот вариант обнаруживается в Интернете, хотя и редко, потому что глагол *ща* может сохранять следы выражения желания. Кроме того, в извлеченных примерах 1 и 2 л. ед. ч. и мн. ч. (это лица, при которых наблюдается совпадение пересказывательных и конклюзивных форм) реализуется семантика пересказывания, а не конклюзивная [Алексова, 2021а].

[2] Под микропарадигмой здесь мы называем парадигму каждого из болгарских эвиденциалов, которые в целом составляют парадигму глагола в современном болгарском языке.

2. Вариантность присутствует и в микропарадигме отрицательных форм времен следования в ренарративе:

– вариант с формантом ***нямало*** с опущением вспомогательного глагола *съм* во всех лицах и числах (напр. *нямало да чета*, *нямало да съм* / *бъда чел*, *-а*, *-о*, *нямало да съм* / *бъда мит*, *-а*, *-о* и т.д.);
– вариант с формантом ***нямало съм***, в котором глагол *съм* спрягается по лицу и числу (*нямало съм да чета*, *нямало съм да съм* / *бъда чел*, *-а*, *-о*, *нямало съм да съм* / *бъда мит*, *-а*, *-о* и т.н.). Этот вариант в 1 и 2 л. ед. ч. и мн. ч. засвидетельствован только с пересказывательной семантикой, при том что в этих лицах ренарратив и конклюзив должны бы совпадать;
– вариант, образованный частицей ***не***, которая ставится перед положительными ренарративными формами (*не съм щял*, *а*, *-о да чета*, не *съм щял*, *-а*, *-о да съм* / *бъда чел*, *-а*, *-о*, не *съм щял да съм* / *бъда мит*, *-а*, *-о* и т.д.).

3. Варианты отрицательной парадигмы времен следования для дубитатива в 1 и 2 л. ед. ч. и мн. ч.:

– вариант, содержащий формант ***нямало съм бил*** со спрягаемым вспомогательным глаголом *съм* (напр. *нямало съм бил*, *-а*, *-о да чета*, *нямало съм бил*, *-а*, *-о да съм* / *бъда чел*, *-а*, *-о*, *нямало съм бил да съм* / *бъда мит*, *-а*, *-о* и т.д.);
– вариант, содержащий безличный формант ***нямало било*** (с опущением вспомогательного глагола *съм*, напр. *нямало било да чета*, *нямало било да съм* / *бъда чел*, *а*, *-о*, *нямало било да съм* / *бъда мит*, *-а*, *-о*);
– вариант, образованный с помощью частицы ***не***, которая ставится перед положительными формами (*не съм бил*, *-а*, *-о щял*, *-а*, *-о да чета*, *не съм бил*, *-а*, *-о щял*, *-а*, *-о да съм* / *бъда чел*, *-а*, *-о*), при этом в страдательном залоге эти формы не фиксируются в корпусах и Интернете.

Отрицательные дубитативные формы будущих времен в 3 л. ед. ч. и мн. ч. в действительном и страдательном залоге также показывают наличие трех вариантов:

– вариант с формантом ***нямало бил***, ***-а***, ***о*** в 3 л. ед. ч. и ***нямало били*** в 3 л. мн. ч., который отличается тем, что *бил* согласуется по роду и числу (напр. *нямало бил*, *-а*, *-о да чете*, *нямало бил*, *-а*, *-о да е* / *бъде чел*, *-а*, *-о*, *нямало бил*, *-а*, *-о да е* / *бъде мит*, *-а*, *-о*; *нямало били да четат*, *нямало били да са* / *бъдат чели*, *нямало били да са* / *бъдат мити*);
– вариант с безличным формантом ***нямало било***, который сохраняется во всех лицах, включая 3 л. ед. ч. и мн. ч. (напр. *нямало било да чете*, *нямало било да е* / *бъде чел*, *-а*, *-о*, *нямало било да е* / *бъде мит*, *-а*, *-о*, *нямало било да четат*, *нямало било да са* / *бъдат чели*, *нямало било да са* / *бъдат мити*);

– вариант, который образуется с помощью отрицательной частицы ***не***, добавленной к положительным формам, при этом страдательные формы не фиксируются ни в корпусе, ни в Интернете, ни в работах других исследователей (*не бил*, *-а*, *-о щял*, *-а*, *-о да чете*, не *бил*, *-а*, *-о щял*, *-а*, *-о да е/бъде чел*, *-а*, *-о*).

Чтобы вычислить индексы аналитизма, синтетизма, композитности, маркированности члена парадигмы и дискретизации грамматической информации в плане выражения, сначала была построена матричная модель болгарского глагола. В ней содержатся все возможные члены его парадигмы, причем для каждого из них отмечено, по каким признакам обязательных грамматических категорий глагола в современном болгарском языке он является немаркированным (–) или маркированным (+). Таблица 1 дает представление об этой матричной модели.

По горизонтали в табл. 1 представлены грамматические категории современного болгарского глагола, при этом каждая категория представлена признаками, выстраивающими значения граммем. Например, в категории лица это признаки коммуникатора и говорящего, в категории эвиденциальности – субъективности и пересказывательности и т.д. По вертикали даны все глагольные словоформы. Плюсом (+) выражена маркированность по данному признаку, т.е. положительная семантическая нагрузка, минус (–) указывает на немаркированность по данному признаку, *0* означает нейтрализацию данного признака, а *x* – невыраженность данного признака. Следовательно, чтобы представить значение *p*, нужно выполнить подсчет плюсов в табл. 1 в рамках отдельных микропарадигм.

Прежде чем вычислить пять интересующих нас типологических индексов, необходимо сопоставить 14 эвиденциальных микропарадигм по количеству членов (рис. 1) и количеству микрословоформ (рис. 2), потому что данные о них релевантны для подсчета некоторых из типологических индексов и объясняют их величину.

Больше всего членов (по 216) у положительных и отрицательных микропарадигм индикатива (см. рис. 1). Вторую группу составляют положительные конклюзивные формы, микропарадигма с отрицательными конклюзивными формами с частицей *не*, включая и времена следования, и ренарративные формы с частицей *не* для времен следования (156 членов). То, что эти косвенные эвиденциалы имеют меньше членов, ожидаемо, т.к. в действительном и страдательном залоге снимается противопоставление между индиректными и директными временами, а в страдательном залоге еще и противопоставление между результативными и нерезультативными временами. Третья группа включает ренарративные и конклюзивные микропарадигмы с 144 членами;

ISSN 2500-2953

Таблица 1

Образец матричной модели болгарского глагола в изъявительном наклонении [Sample matrix model of a Bulgarian verb in the indicative]

Время [Time]	Форма [Form]	Коммуникатор [Communicator]	Говорящий [Speaker]	Множественность [Plurality]	Феминальность [Femininity]	Нейтральность [Neutrality]	Центростремительность [Centripetal]	Пассивность [Passivity]	Комплексность [Complexity]	Предшествование [Antecedence]	Индиректность [Indirect]	Следование [Posteriority]	Перфектность [Perfect]	Пересказывание [Retelling]	Субъективность [Subjectivity]	Негативность [Negativity]	Волитивность [Intentionality]	Эвентуалис [Eventuality]	Потенциалис [Potentialis]	Предполагаемость [Presupposition]
Настоящее [Present]	1. *пиша*	+	+	–	x	x	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Настоящее [Present]	2. *пишеш*	+	–	–	x	x	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Настоящее [Present]	3. *пише*	–	–	–	x	x	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Настоящее [Present]	1. *пишем*	+	+	+	x	x	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Настоящее [Present]	2. *пишете*	+	–	+	x	x	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Настоящее [Present]	3. *пишат*	–	–	+	x	x	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Аорист [Aorist]	1. *писах*	+	+	–	x	x	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Аорист [Aorist]	2. *писа*	+	–	–	x	x	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Аорист [Aorist]	3. *писа*	–	–	–	x	x	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Аорист [Aorist]	1. *писахме*	+	+	+	x	x	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Аорист [Aorist]	2. *писахте*	+	–	+	x	x	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Аорист [Aorist]	3. *писаха*	–	–	+	x	x	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Будущее [Future]	1. *ще пиша*	+	+	–	x	x	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–
Будущее [Future]	2. *ще пишеш*	+	–	–	x	x	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–
Будущее [Future]	3. *ще пише*	–	–	–	x	x	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–
Будущее [Future]	1. *ще пишем*	+	+	+	x	x	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–
Будущее [Future]	2. *ще пишете*	+	–	–	x	x	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–
Будущее [Future]	3. *ще пишат*	–	–	+	x	x	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–
Перфект [Perfect]	1. *писал съм*	+	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–

меньшее число в сравнении со второй группой – это результат прежде всего отсутствия согласования по роду в ед. ч. Положительная дубитативная микропарадигма и два варианта отрицательных дубитативных форм имеют по 108 членов, т.к. в действительном и страдательном залоге отсутствуют дубитативные формы перфекта и плюсквамперфекта, а в страдательном залоге – и формы дубитативных небудущих времен. Самая бедная по количеству членов – микропарадигма отрицательных дубитативных форм, включающая формы времен следования с безличным формантом *нямало било*, при котором количество членов уменьшается в связи с отсутствием согласования по роду и числу в рамках этого форманта.

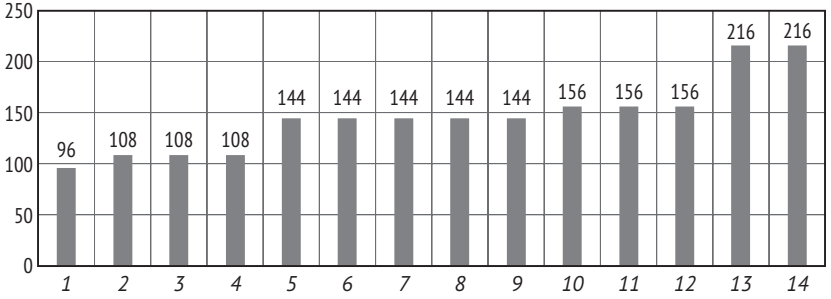

Рис. 1. Сопоставление 14 эвиденциальных микропарадигм по числу членов

1 – дубитатив, отрицательная форма 2 (*нямало било*); *2* – дубитатив, отрицательная форма 3 (*не*); *3* – дубитатив, отрицательная форма 1 (*нямало съм бил*); *4* – дубитатив, положительная форма; *5* – ренарратив, положительная форма; 6 – конклютив, отрицательная форма 1 (*нямало съм*); *7* – конклютив, отрицательная форма 2 (*нямало е*); *8* – ренарратив, отрицательная форма 1 (*нямало съм*); *9* – ренарратив, отрицательная форма 2 (*нямало*); *10* – конклюзив, положительная форма; *11* – конклюзив, отрицательная форма 3 (*не*); *12* – ренарратив, отрицательная форма 3 (*не*); *13* – индикатив, положительная форма; *14* – индикатив, отрицательная форма

Fig. 1. Comparison of 14 evidential microparadigms by the number of members

1 – dubitative, negative form 2 (*нямало било*); *2* – dubitative, negative form 3 (*не*); *3* – dubitative, negative form 1 (*нямало съм бил*); *4* – dubitative, positive form; *5* – renarrative, positive form; *6* – conclusive, negative form 1 (*нямало съм*); *7* – conclusive, negative form 2 (*нямало е*); *8* – renarrative, negative form 1 (*нямало съм*); *9* – renarrative, negative form 1 (*нямало*); *10* – conclusive, positive form; *11* – conclusive, negative form 3 (*не*); *12* – renarrative, negative form 3 (*не*); *13* – indicative, positive form; *14* – indicative, negative form

На рис. 2 представлена иерархия 14 эвиденциальных микропарадигм по количеству микрословоформ. На диаграмме видно, что больше всего микрословоформ у индикатива (761), что обусловлено бóльшим количеством членов. Обращает на себя внимание также то, что отрицательные парадигмы косвенных эвиденциалов с частицей *не* имеют сравнительно большое количество микрословоформ. Дубитативные микропарадигмы, несмотря на то что их формы содержат больше микроэлементов, располагаются среди частных парадигм с наименьшим числом микрословоформ, потому что имеют меньше членов.

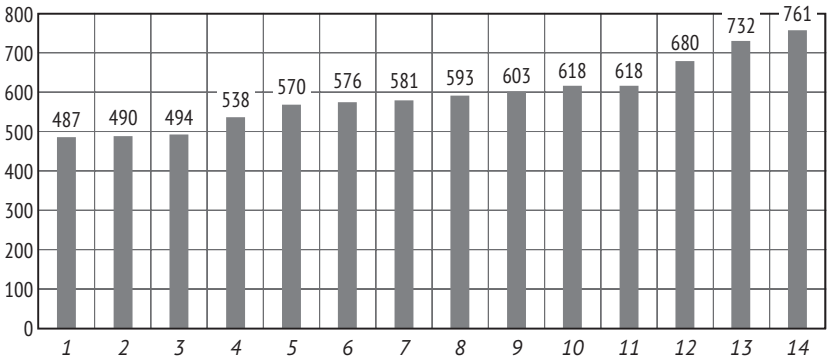

Рис. 2. Иерархия 14 эвиденциальных микропарадигм по количеству микрословоформ

1 – дубитатив, отрицательная форма 2 (*нямало било*); *2* – ренарратив, положительная форма; *3* – дубитатив, положительная форма; *4* – ренарратив, отрицательная форма 2 (*нямало*); *5* – ренарратив, отрицательная форма 1 (*нямало съм*); *6* – конклюзив, положительная форма; *7* – дубитатив, отрицательная форма 1 (*нямало съм бил*); *8* – индикатив, положительная форма; *9* – дубитатив, отрицательная форма 3 (*не*); *10* – конклютив, отрицательная форма 1 (*нямало съм*); *11* – конклютив, отрицательная форма 2 (*нямало е*); *12* – ренарратив, отрицательная форма 3 (*не*); *13* – конклюзив, отрицательная форма 3 (*не*); *14* – индикатив, отрицательная форма

Fig. 2. Hierarchy of 14 evidential microparadigms by the number of microword forms

1 – dubitative, negative form 2 (*нямало било*); *2* – renarrative, positive form; *3* – dubitative, positive form; *4* – renarrative, negative form 2 (*нямало*); *5* – renarrative, negative form 1 (*нямало съм*); *6* – conclusive, positive form; *7* – dubitative, negative form 1 (*нямало съм бил*); *8* – indicative, positive form; *9* – dubitative, negative form 3 (*не*); *10* – conclusive, negative form 1 (*нямало съм*); *11* – conclusive, negative form 2 (*нямало е*); *12* – renarrative, negative form 3 (*не*); *13* – conclusive, negative form 3 (*не*); *14* – indicative, negative form

2.1. Индекс аналитизма

На основе отношения между числом микрословоформ и числом положительных дифференциаторов в каждом члене вычисляется индекс аналитизма (a = μ/p) 14 эвиденциальных микропарадигм. На рис. 3 представлена иерархия этих микропарадигм по степени аналитизма.

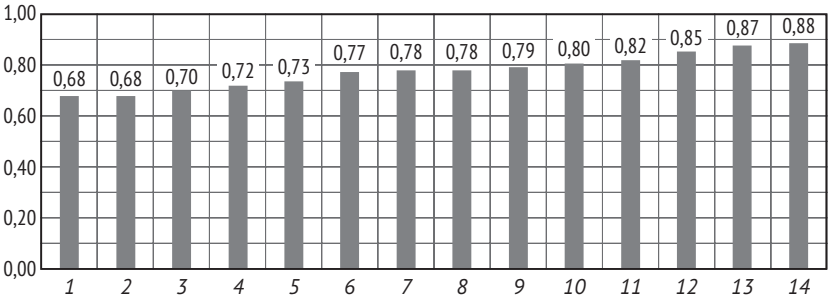

Рис. 3. Иерархия 14 эвиденциальных микропарадигм в соответствии с индексом степени аналитизма

1 – ренарратив, отрицательная форма 2 (*нямало*); *2* – индикатив, положительная форма; *3* – индикатив, отрицательная форма; *4* – ренарратив, отрицательная форма 1 (*нямало съм*); *5* – дубитатив, отрицательная форма 2 (*нямало било*); *6* – ренарратив, положительная форма; *7* – конклютив, отрицательная форма 1 (*нямало съм*); *8* – конклютив, отрицательная форма 2 (*нямало е*); *9* – ренарратив, отрицательная форма 3 (*не*); *10* – дубитатив, отрицательная форма 1 (*нямало съм бил*); *11* – конклюзив, положительная форма; *12* – конклюзив, отрицательная форма 3 (*не*); *13* – дубитатив, отрицательная форма 3 (*не*); *14* – дубитатив, положительная форма

Fig. 3. Hierarchy of 14 evidential microparadigms in accordance with the index of the degree of analyticity

1 – renarrative, negative form 2 (*нямало*); *2* – indicative, positive form; *3* – indicative, negative form; *4* – renarrative, negative form 1 (*нямало съм*); *5* – dubitative, negative form 2 (*нямало било*); *6* – renarrative, positive form; *7* – conclusive, negative form 1 (*нямало съм*); *8* – conclusive, negative form 2 (*нямало е*); *9* – renarrative, negative form 3 (*не*); *10* – dubitative, negative form 1 (*нямало съм бил*); *11* – conclusive, positive form; *12* – conclusive, negative form 3 (*не*); *13* – dubitative, negative form 3 (*не*); *14* – dubitative, positive form

Ренарративная отрицательная парадигма с формами следования, содержащими безличное *нямало* без вспомогательного глагола *съм* (0,68), имеет, как и индикативная положительная микропарадигма (0,68), самую низкую степень аналитизма. Поскольку имеется безличный формант не только у ренарратива (*нямало*), но и у одного из трех

вариантов отрицательной дубитативной парадигмы дубитатива (с *нямало било* для форм следования), это является причиной относительно низкой степени аналитизма (0,73) у дубитатива. Эти формы по индексу аналитизма – на пятом месте с конца. При вариантах отрицательных микропарадигм конклюзива и ренарратива, которые содержат формант с согласующимся глаголом *съм* (т.е. *нямало съм*), несколько увеличивается индекс аналитизма – для ренарратива 0,72, а для конклюзива 0,78. Но значительнее всего этот индекс увеличивается у эвиденциальных микропарадигм, содержащих во временах следования отрицательную частицу *не*, например, в отрицательной конклюзивной и отрицательной дубитативной микропарадигме (a = 0,85 и 0,87). Самым высоким является индекс аналитизма в положительной дубитативной микропарадигме, что обусловлено наличием большего количества членов.

2.2. Индекс синтетизма

По показателям индекса синтетизма, представляющего отношение числа микрословоформ к числу положительных семантических нагрузок ($s = p/\mu$), 14 эвиденциальных микропарадигм выстраиваются так, как показано на рис. 4.

Наиболее высокую степень синтетизма имеют ренарративные отрицательные формы с безличным формантом *нямало* (без вспомогательного глагола *съм*) (1,48), затем идут индикативные положительные (1,47) и отрицательные формы (1,43), за ними отрицательные ренарративные формы с формантом *нямало съм*/*си*/*Ø*/*сме*/*сте*/*Ø* (1,39) (рис. 4). Интересно, что вариант отрицательной дубитативной парадигмы с безличным формантом *нямало било* для времен следования – на пятом месте по степени синтетизма. Это обусловлено отсутствием согласования по роду и числу в рамках этого форманта, что уменьшает количество и членов, и микрословоформ. Очевидно, что наличие безличного форманта (*нямало* у ренарратива и *нямало било* у дубитатива) является случаем конденсации форм, что повышает значения индекса синтетизма. И наоборот, наличие формантов с согласованием вспомогательного глагола *съм* (*нямало съм* у конклюзива, *нямало съм бил* у дубитатива) ведет к понижению значений индекса синтетизма. Самые низкие значения показывает этот индекс в вариантах отрицательной дубитативной парадигмы с формами следования, образованными с частицей *не*, и в положительной дубитативной микропарадигме (1,15 и 1,14). В среднем индикативные формы имеют самые высокие значения индекса синтетизма, за которыми следуют разные микропарадигмы ренарратива, потом конклюзива, и наконец – дубитатива.

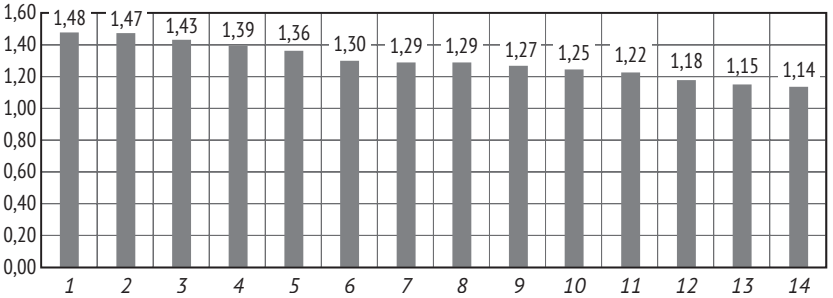

Рис. 4. Иерархия эвиденциальных микропарадигм по индексу степени синтетизма

1 – ренарратив, отрицательная форма 2 (*нямало*); *2* – индикатив, положительная форма; *3* – индикатив, отрицательная форма; *4* – ренарратив, отрицательная форма 1 (*нямало съм*); *5* – дубитатив, отрицательная форма 2 (*нямало било*); *6* – ренарратив, положительная форма; *7* – конклютив, отрицательная форма 1 (*нямало съм*); *8* – конклютив, отрицательная форма 2 (*нямало е*); *9* – ренарратив, отрицательная форма 3 (*не*); *10* – дубитатив, отрицательная форма 1 (*нямало съм бил*); *11* – конклюзив, положительная форма; *12* – конклюзив, отрицательная форма 3 (*не*); *13* – дубитатив, отрицательная форма 3 (*не*); *14* – дубитатив, положительная форма

Fig. 4. Hierarchy of evidential microparadigms according to the index of the degree of synthesis

1 – renarrative, negative form 2 (*нямало*); *2* – indicative, positive form; *3* – indicative, negative form; *4* – renarrative, negative form 1 (*нямало съм*); *5* – dubitative, negative form 2 (*нямало било*); *6* – renarrative, positive form; *7* – conclusive, negative form 1 (*нямало съм*); *8* – conclusive, negative form 2 (*нямало е*); *9* – renarrative, negative form 3 (*не*); *10* – dubitative, negative form 1 (*нямало съм бил*); *11* – conclusive, positive form; *12* – conclusive, negative form 3 (*не*); *13* – dubitative, negative form 3 (*не*); *14* – dubitative, positive form

2.3. Индекс композитности

По показателям индекса степени композитности, которая увеличивается у болгарского глагола в процессе его развития к аналитизму, 14 эвиденциальных микропарадигм тоже образуют иерархию (рис. 5).

Самую низкую степень композитности имеют индикативные положительные формы (2,75), за которыми следуют с существенным разрывом ренарративные положительные формы (3,40), отрицательные индикативные формы (3,52) и конклюзивные положительные формы (3,69). Обращает на себя внимание, что ренарративные микропарадигмы, кроме той, которая содержит отрицательные формы следования, образованные частицей *не*, имеют более низкие степени композитности, чем

конклюзивные, и тоже без учета микропарадигмы с отрицательными формами следования с частицей *не*. Несомненно, это связано с наличием вспомогательного глагола *съм* в 3 л. ед. ч. и мн. ч. при конклюзиве. Дубитативные микропарадигмы отличаются самой высокой степенью композитности среди 14 микропарадигм, хотя содержат меньше всего членов. Еще одно наблюдение состоит в том, что микропарадигмы с отрицательной частицей *не* (конклюзивная, ренарративная и дубитативная) обладают более высокой степенью композитности, чем другие два варианта тех же отрицательных конклюзивных, ренарративных и дубитативных микропарадигм. Это и одна из причин более редкого употребления этих микропарадигм с отрицательной частицей *не* у времен следования.

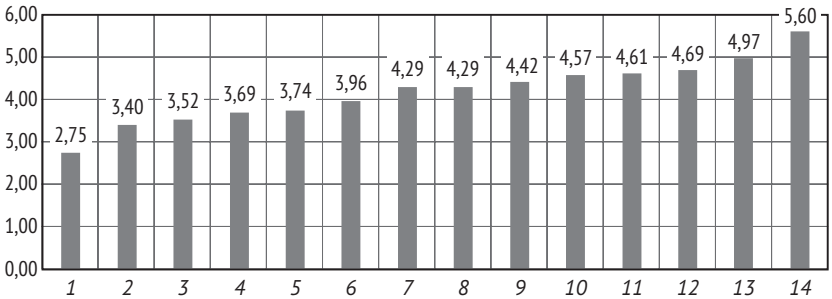

Рис. 5. Иерархия 14 эвиденциальных микропарадигм по индексу степени композитности

1 – индикатив, положительная форма; *2* – ренарратив, положительная форма; *3* – индикатив, отрицательная форма; *4* – конклюзив, положительная форма; *5* – ренарратив, отрицательная форма 2 (*нямало*); *6* – конклютив, отрицательная форма 1 (*нямало съм*); *7* – конклютив, отрицательная форма 1 (*нямало съм*); *8* – конклютив, отрицательная форма 2 (*нямало е*); *9* – ренарратив, отрицательная форма 3 (*не*); *10* – дубитатив, положительная форма; *11* – дубитатив, отрицательная форма 2 (*нямало било*); *12* – конклюзив, отрицательная форма 3 (*не*); *13* – дубитатив, отрицательная форма 1 (*нямало съм бил*); *14* – дубитатив, отрицательная форма 3 (*не*)

Fig. 5. Hierarchy of 14 evidential microparadigms according to the index of the degree of compositeness

1 – indicative, positive form; *2* – renarrative, positive form; *3* – indicative, negative form; *4* – conclusive, positive form; *5* – renarrative, negative form 2 (*нямало*); *6* – conclusive, negative form 1 (*нямало съм*); *7* – conclusive, negative form 1 (*нямало съм*); *8* – conclusive, negative form 2 (*нямало е*); *9* – renarrative, negative form 3 (*не*); *10* – dubitative, positive form; *11* – dubitative, negative form 2 (*нямало било*); *12* – conclusive, negative form 3 (*не*); *13* – dubitative, negative form 1 (*нямало съм бил*); *14* – dubitative, negative form 3 (*не*)

2.4. Индекс маркированности

Степень маркированности – это индекс, показывающий среднее распределение положительных семантических нагрузок по членам одной парадигмы ($m = U/p$). Это отношение показывает объем парадигмы и выстраивает 14 рассматриваемых эвиденциальных микропарадигм (рис. 6).

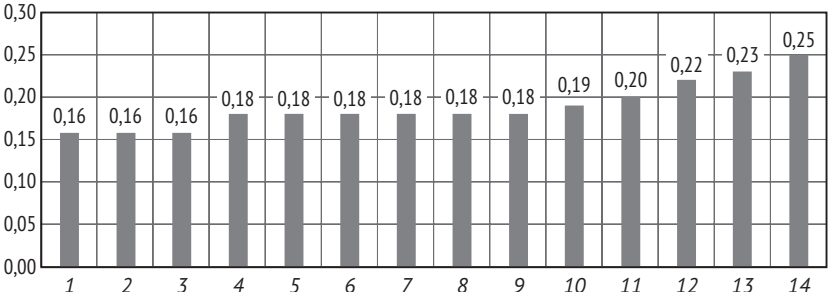

Рис. 6. Иерархия 14 эвиденциальных микропарадигм по индексу степени маркированности члена парадигмы

1 – дубитатив, отрицательная форма 3 (*не*); *2* – дубитатив, отрицательная форма 2 (*нямало било*); *3* – дубитатив, отрицательная форма 1 (*нямало съм бил*); *4* – конклютив, отрицательная форма 1 (*нямало съм*); *5* – конклюзив, отрицательная форма 2 (*нямало е*); *6* – ренарратив, отрицательная форма 1 (*нямало съм*); *7* – ренарратив, отрицательная форма 2 (*нямало*); *8* – конклюзив, отрицательная форма 3 (*не*); *9* – ренарратив, отрицательная форма 3 (*не*); *10* – дубитатив, положительная форма; *11* – индикатив, отрицательная форма; *12* – конклюзив, положительная форма; *13* – ренарратив, положительная форма; 14 – индикатив, положительная форма

Fig. 6. Hierarchy of 14 evidential microparadigms according to the index of the degree of markedness of a member of the paradigm

1 – dubitative, negative form 3 (*не*); *2* – dubitative, negative form 2 (*нямало било*); *3* – dubitative, negative form 1 (*нямало съм бил*); *4* – conclusive, negative form 1 (*нямало съм*); *5* – conclusive, negative form 2 (*нямало е*); *6* – renarrative, negative form 1 (*нямало съм*); *7* – renarrative, negative form 2 (*нямало*); *8* – conclusive, negative form 3 (*не*); *9* – renarrative, negative form 3 (*не*); *10* – dubitative, positive form; *11* – indicative, negative form; *12* – conclusive, positive form; *13* – renarrative, positive form; *14* – indicative, positive form

Самым высоким является индекс степени маркированности индикативной положительной микропарадигмы (0,25), которая является и самой богатой с точки зрения количества членов. После нее идут положительные парадигмы ренарратива и конклюзива (0,23 и 0,22),

а за ними и отрицательная индикативная микропарадигма (0,20), затем – положительные дубитативные формы (0,19). Очерчивается группа из 6 конклюзивных и ренарративных микропарадигм с одинаковыми значениями индекса маркированности члена (0,18). Самые низкие значения данного индекса – у трех вариантов отрицательной дубитативной парадигмы (0,16). Это согласуется и с тем фактом, что их микропарадигмы наиболее бедны членами, на которые распределяются положительные семантические нагрузки.

2.5. Индекс дискретизации грамматической информации

Как мы уже показали, индекс дискретизации грамматической информации в плане выражения можно вычислить по формуле $d = M/p$. В рамках синтетических глагольных словоформ I и II спряжений за реальные грамматические морфемы берутся окончания и гласные временной основы – настоящего времени, аориста и имперфекта. Мы принимаем, что темпоральные гласные являются показателями обобщенного времени[3]: абсолютная одновременность в случае основы настоящего (актуализированная окончанием настоящего времени до одновременности по отношению к коммуникативному акту) и, соответственно, относительная одновременность при основе имперфекта (актуализированная окончанием имперфекта до одновременности к моменту в прошлом, который закончен по отношению к коммуникативному акту). В I и II спряжении темпоральный гласный настоящего времени отсутствует в 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч.

У вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида, в качестве грамматических морфем выступают видовой суффикс (расположенный в той же синтагматической позиции, в которой при предыдущей группе глаголов располагается тематический гласный) и окончание. В обоих случаях (I и II спряжение, вторичные имперфективы и формы несовершенного вида настоящего времени, образованные от первичных совершенных) число грамматических морфем – 10. Степень дискретизации грамматической информации $d = M/p$ (10 : 9) равна 1,1, т.к. число

[3] В современном болгарском языке имеются три временные (темпоральные) основы глагола: настоящая, аористная и имперфектная. Каждая из этих основ оформляется специфическим темпоральным гласным. Темпоральные гласные выражают обобщенное темпоральное значение: гласный основы настоящего времени выражает одновременность по отношению к акту коммуникации, имперфектный гласный – одновременность с прошедшим ориентационным моментом, который на момент акта коммуникации считается совершённым, что может быть квалифицировано как относительная одновременность. Аористный гласный выражает предшествование акту коммуникации. Это обобщенное темпоральное значение можно для краткости называть *обобщенным временем*.

реальных грамматических морфем 10, а число положительных семантических нагрузок – 9.

У глаголов, образованных от глаголов, существительных, прилагательных или междометий, возникает вопрос о наличии грамматических морфем, т.к. у них есть словообразующие аффиксы, омонимичные суффиксам имперфективации (например, при глаголах, образованных от имен с помощью словообразующих суффиксов *-ув-*, *-ств*, *-ов-*, *-в-* + словообразующий суффикс *-a_2-* (отличный от словообразующего суффикса имперфективации *-a_1*), например, *арестувам*, *публикувам*, *клюкарствам*, *бинтовам*, *обядвам*, *докладвам* и др.); у глаголов, образованных от глаголов (и междометий) с помощью словообразующих суффиксов *-к-*, *-ук-*, *-ичк-*, *-инк*, *-ушк-* + словообразующий суффикс *-a_2*, а также суффиксов *-от'-*, *-ор'-*, *-ул'-*, напр., *звънкам*, *блещукам*, *охкам*, *боричкам се*, *спинкам*, *клатушкам се*, *драскотя*, *скиторя*, *кривуля* [Стоянов, 1983, с. 261]. В этих группах глаголов значение, привносимое гласным *-а*, определить проблематично. Согласно точке зрения, принимаемой в данной статье, это словообразующий суффикс. Однако тогда возникает вопрос, что именно в синтагматической структуре данных синтетических глагольных словоформ выражает вид (они все несовершенного вида) и время глагола? Нам кажется необоснованным мнение, что *-а-* выражает и темпоральное значение (одновременность по отношению к коммуникативному акту), и несовершенный вид, т.е. выражает 2 грамматических значения. Аргументы, что у этого суффикса нет грамматических функций, связаны с тем фактом, что его функция – словообразующая, а случаи, когда во флективных языках совмещается словообразующая и формообразующая функции, неизвестны. Следовательно, у этих глаголов отсутствует грамматическая морфема, а вид и время (обобщенное время) выражаются окончанием. У этой группы глаголов степень дискретизации грамматической информации $d = M/p$ (6 : 9) равна 0,67, т.к. грамматических морфем 6, а положительная семантическая нагрузка – 9.

При рассмотрении реальных грамматических морфем в синтетических индикативных аористе и имперфекте возникает вопрос о составе окончания. Формы аориста и имперфекта в I и II спряжениях различаются только по темпоральному гласному в 1 л. ед. ч. и во всем мн. ч., а во 2 и 3 л. ед. ч. – и по компоненту *-ше в* имперфекте, противопоставленному отсутствию реальной морфемы после темпорального гласного в аористе. В качестве окончаний, как правило, представляются элементы, представленные в табл. 2.

Таблица 2

Возможный подход к окончаниям аориста и имперфекта в I и II спряжении [A possible approach to the endings of the aorist and imperfect in the 1st and 2nd conjugations]

Аорист, I и II спряжение [Aorist, I and II conjugation]	**Имперфект, I и II спряжение [Imperfect, I and II conjugation]**
Ед. ч. [Singular]	
1 л. [1st person] -*х* 2 л. [2nd person] -Ø 3 л. [3rd person] -Ø	1 л. [1st person] -*х* 2 л. [2nd person] -*ше* 3 л. [3rd person] -*ше*
Мн. ч. [Plural]	
1 л. [1st person] -*хме* 2 л. [2nd person] -*хте* 3 л. [3rd person] -*ха*	1 л. [1st person] -*хме* 2 л. [2nd person] -*хте* 3 л. [3rd person] -*ха*

Некоторые ученые, например Иван Куцаров, выделяют -*х*-/-*ш*- в формах аориста и имперфекта в качестве морфемы, выражающей признак **засвидетельствованности** [Бояджиев, Куцаров, Пенчев, 1998, с. 387, 395]. В. Маровска также считает, что это маркеры граммемы свидетельского таксиса [Маровска, 2005, 2013]. Р. Ницолова принимает точку зрения П. Пашова [Пашов, 1976, с. 54], что данный суффикс означает **отнесенность к моменту в прошлом** [Ницолова, 2008, с. 281]. М. Янакиев и Н. Котова определяют -***х***- и -*ш*- как алломорфы морфемы **партитивности** [Котова, Янакиев, 2001, с. 365]. Если определить -*х*-/-*ш*- как свидетельскую морфему, то ее отсутствие в форме настоящего времени будет характеризовать его как несвидетельское, что не соответствует действительности. Если ее воспринимать как показатель значения **отнесенности к моменту в прошлом**, то окажется, что и аорист ориентирован на момент в прошлом, что неприемлемо. Нам кажется, что -*х*-/-*ш*- отличается частичной членимостью, даже если принять ту точку зрения, что эта морфема выражает засвидетельствованность – признак, который не грамматикализован в болгарской глагольной системе. Можно сказать, что во флексиях аориста и имперфекта существуют частично сегментируемые компоненты: ***х***/Ø, -***х***/-***ш***-е (в аористе Ø), -***х***/-***ш***-*е* (в аористе Ø), -***х***-*ме*, -***х***-*те*, -***х***-*а* (частичная сегментируемость здесь обозначена жирным шрифтом). Частично сегментируемые компоненты определяются Г. Герджиковым как «псевдоморфемы», или

«субморфемы»[4] (Герджиков, рукопись). Частично сегментируемая флексия в аористе уточняет значение темпорального гласного аориста от **предшествования** до **предшествования по отношению к коммуникативному акту**, а в имперфекте уточняет значение гласного имперфекта, выражающего **относительную одновременность**, до значения **одновременность по отношению к моменту в прошлом** (частичная членимость отмечается курсивом). Согласно принимаемой здесь точке зрения, частично сегментируемые псевдоморфемы в плане выражения являются видом неавтономных морфем, которым в плане содержания конкретизируют значение предыдущей грамматической морфемы – в данном случае темпорального гласного.

Псевдоморфемы отличаются от морфоидов, определяемых также и как субморфы или формативы (см. подробнее [Плунгян, 2003]), которые сегментируются в плане выражения, но не в плане содержания. Согласно принимаемой здесь точке зрения, в индикативе активного залога у глаголов I и II спр., у которых темпоральные гласные аориста и имперфекта различаются, индекс степени дискретизации грамматической информации $d = M/p$ в аористе равен 0,67 (10 : 15), а в имперфекте – 0,8 (12 : 15).

У вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных совершенных, индексы те же, т.к. в них место гласного аориста или имперфекта занимает имперфективный суффикс.

У глаголов, образованных от глаголов, существительных, прилагательных и междометий, индексы другие, потому что отсутствует какая-либо грамматическая морфема, кроме окончания. Следовательно, индекс дискретизации грамматической информации в утвердительных формах индикативного аориста активного залога $d = M/p$ равен 0,4 (6 : 15), а в имперфекте – 0,4 (6 : 15).

Еще более сложен вопрос о реальных грамматических морфемах в композитных глагольных словоформах в современном болгарском языке.

В формах будущего времени индикатива активного залога в качестве грамматических элементов следует указать частицу *ще*, выражающую признак **следования**, в I и II спряжении – тематический гласный настоящего времени и окончание (*ще пиш-е-м*); у вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных совершенных глаголов, – суффикс имперфективации и окончание

[4] Употребленный Г. Герджиковым термин «субморфема» в конкретном случае нужно отличать от значения, которое вкладывает Е. Курилович (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/kuril/02.php), как и от термина «субморф» в русской лингвистической традиции (см. подробнее [Плунгян, 2003, с. 49].

(*ще препис-ва-ме*). Следовательно, индекс дискретизации грамматической информации в утвердительная формах индикативного будущего времени в активном залоге *d* = *M*/*p* (15 : 15) равен 1, а это означает, что одной грамматической морфеме в плане выражения соответствует в среднем по одной семантической нагрузке (один +) в плане содержания. У глаголов, образованных от глаголов, существительных, прилагательных и междометий (*вечеря-м*), значение этого индекса равно 0,6 (9 : 15).

В индикативном перфекте реальными грамматическими аффиксами следует считать вспомогательный глагол *съм*, форма настоящего времени которого несет значение **абсолютной одновременности**, лица и числа, *-л*-морфему, носитель признака **результативности** (**перфектности**), аористный тематических гласный в I и II спряжении или видовой суффикс, чередующиеся в одной и той же синтагматической позиции в синтетической микрословоформе, а также окончания рода и числа (*пис-а-л-и сме*, *препис-ва-л-и сме*). В I и II спряжении и во вторичных имперфективах и формах несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида, индекс дискретизации грамматической информации *d* = *M*/*p* равняется 1,36 (45 реальных грамматических морфем : 31 положительная семантическая нагрузка). У глаголов, образованных от глаголов, существительных, прилагательных и междометий, рассматриваемый индекс равен 1 (33 : 33).

В плюсквамперфекте имеются такие же реальные показатели, как и в перфекте, с тем отличием, что гласный имперфекта, наследник ятевого гласного, выражает признак **индиректности** (ориентации по отношению к моменту в прошлом) – *бях*, *беше*, *беше*, *бяхме*, *бяхте*, *бяха* (*б-я-**х**ме препис-а-л-и*, *б-я-**х**ме препис-ва-л-и*). Здесь тоже актуализируется вопрос о составе окончания, в отношении которого мы решили, что оно характеризуется частичной членимостью, благодаря чему его можно считать одной грамматической морфемой. Индекс дискретизации грамматической информации *d* = *M*/*p* в плане выражения у глаголов I и II спряжения и вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида, равняется 1,31 (59 : 45). У глаголов, образованных от глаголов, существительных, прилагательных и междометий, индекс дискретизации грамматической информации снижается и равняется 1,04 (47 : 45).

В формах индикативного будущего времени в прошедшем грамматическими морфемами считаются *щ*-морфема для выражения следования, гласная имперфекта, выражающая относительную одновременность, окончание вспомогательного глагола, а также гласная настоящего времени I и II спряжения, а у вторичных имперфективов и форм

несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида, – суффикс имперфективации, а также окончания личной формы настоящего времени (*б-я-**х**ме пис-а-л-и*, *б-я-**х**ме препис-ва-л-и*). Индекс дискретизации грамматической информации *d = M/p* у глаголов I и II спряжения и вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида, равняется 1,73 (78 : 45). У глаголов, образованных от глаголов, существительных, прилагательных и междометий, индекс равен 1,62 (73 : 45).

Интерес представляет определение грамматических морфем в будущем предварительном и будущем предварительном времени в прошедшем. Мы считаем обоснованным принять за реальные морфологические показатели в будущем предварительном времени частицу *ще*, выражающую **следование**, вспомогательный глагол *съм*, сообщающий информацию о лице и числе, у глаголов I и II спряжения – гласный аориста, а у вторичных глаголов несовершенного вида и глаголов несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного – суффикс имперфективации, суффикс *-л-*, показывающий **результативность**, и окончания рода и числа (*ще сме пис-а-л-и*, *ще сме препис-ва-л-и*). Индекс дискретизации грамматической информации *d = M/p* у глаголов I и II спряжения и вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида, равняется 1,27 (57 : 45). У глаголов, образованных от глаголов, существительных, прилагательных и междометий, индекс снижается и равен 1 (45 : 45).

В формах активного залога индикативного будущего предварительного (утвердительные формы вспомогательного глагола *щях*, *щеше*, *щеше* и т.д.) носителем **индиректности** является гласный имперфекта при наличии частичной членимости окончания, а *щ-* передает значение следования, что означает, что в *щях* присутствуют 3 грамматические морфемы (*щ-я-**х**ме да сме/бъдем пис-а-л-и*, *щ-я-**х**ме да сме/бъдем препис-ва-л-и*). Кроме этого, необходимо учесть наличие темпорального гласного настоящего времени или суффикса имперфективации. Индекс дискретизации грамматической информации *d = M/p* у глаголов I и II спряжения и вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида, равняется 1,16 (80 : 69). У глаголов, образованных от глаголов, существительных, прилагательных и междометий, индекс снижается и становится равен 1,04 (72 : 69).

В будущем предварительном в прошедшем, например, *щях да съм/бъда пристигнал*, во вспомогательном глаголе *щях* присутствуют

гласный имперфекта, обозначающий **индиректность**, *щ*-показатель **следования** и частичная членимость окончания. Кроме того, вспомогательный глагол *съм*/*бъда* выражает и лицо, и число, а в причастии аориста в I и II спряжении присутствует темпоральный гласный аориста, а в несовершенном виде – имперфективный суффикс, а также следует отметить и результативный аффикс *-л* и окончания лица и числа. Индекс дискретизации грамматической информации $d = M/p$ у глаголов I и II спряжения и вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида, равняется 1,80 (103 : 57). У глаголов, образованных от глаголов, существительных, прилагательных и междометий, индекс снижается и равняется 1,60 (91 : 57).

На графике (рис. 7) представлены значения индекса дискретизации грамматической информации в индикативных формах активного залога. Они расположены согласно среднему значению индекса в двух группах: первая группа – глаголы I и II спряжения и вторичные имперфективы и формы несовершенного вида, образованные от первичных глаголов совершенного вида; вторая группа – глаголы, образованные от глаголов, существительных, прилагательных и междометий.

Самая низкая усредненная степень индекса дискретизации грамматической информации проявляется в аористе, а самая высокая – в будущем предварительном в прошедшем (см. рис. 7). Можно сказать, что на графике видны три группы: первая группа, в которой времена с низкой степенью дискретизации грамматической информации – аорист, имперфект, будущее и настоящее; вторая группа – времена со средней степенью дискретизации грамматической информации – будущее предварительное, плюсквамперфект и перфект; третья группа – времена с высокой степенью дискретизации грамматической информации на формальном уровне – будущее предварительное в прошедшем и будущее в прошедшем.

В конклюзивных формах настоящего времени и имперфекта, которые совпадают в активном залоге, мы считаем грамматическими морфемами у глаголов I и II спряжения гласный имперфекта, суффикс *-л-*, окончание рода и числа в форме причастия и вспомогательный глагол *съм*, выражающий лицо и число (*пиш-ел-и сме*, *препис-ва-л-и сме*). В этой группе индекс дискретизации грамматической информации равен 1,36 (45 : 33). То же значение мы видим в группе вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида. В отличие от них, у глаголов, образованных от других глаголов, существительных, прилагательных и междометий (здесь – вторичные глаголы), индекс равен 1 (33 : 33) (рис. 8).

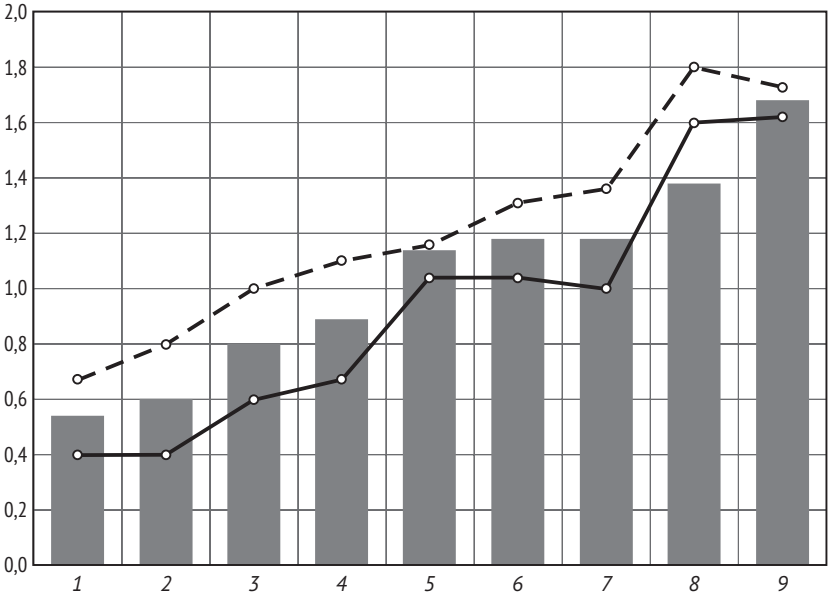

Рис. 7. Индекс дискретизации грамматической информации в индикативе активного залога, положительные формы

1 – аорист; *2* – имперфект; *3* – будущее время;
4 – настоящее время; *5* – будущее предварительное;
6 –плюсквамперфект; *7* – перфект;
8 – будущее предварительное в прошедшем;
9 – будущее в прошедшем

—— – глаголы, образованных от глаголов, существительных, междометий;
– – – глаголы I и II спряжения и вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида;
▒ – средние значения индекса в каждом времени для двух групп

Fig. 7. Discretization index of grammatical information in the active voice indicative, positive forms

1 – aorist; *2* – imperfect; *3* – future tense; *4* – present;
5 – future perfect; *6* – plus-perfect; *7* – perfect;
8 – future perfect in the past; *9* – the future is in the past

Values of the discretization index of grammatical information:
—— – verbs formed from verbs, nouns, interjections;
– – – verbs of I and II conjugations and secondary imperfectives and imperfective forms formed from primary perfective verbs;
▒ are the average values of the index at each time for the two groups

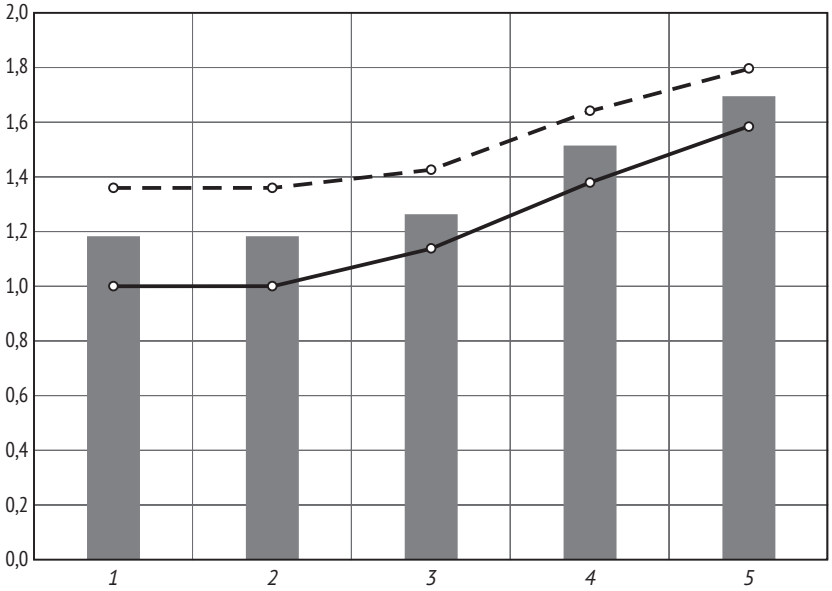

Рис. 8. Индекс дискретизации грамматической информации в конклюзивных положительных формах активного залога

1 – настоящее + имперфект; *2* – аорист; *3* – перфект + плюсквамперфект; *4* – будущее и будущее в прошедшем; *5* – будущее предварительное и будущее предварительное в прошедшем

▬ – вторичные глаголы; ▬ ▬ – глаголы I и II спряжения, вторичные несовершенного вида или несовершенного вида, образованные из первичных совершенного вида; ▒ – среднее значение

Fig. 8. Discretization index of grammatical information in conclusive positive forms of the active voice

1 – present + imperfect; *2* – aorist; *3* – perfect + pluperfect; *4* – the future and the future in the past; *5* – future perfect and future perfect in the past

▬ – secondary verbs; ▬ ▬ – verbs of the I and II conjugations, secondary imperfective or imperfective, formed from primary perfective; ▒ – mean value

В конклюзивном аористе для вычисления индекса грамматической дискретизации в активном залоге в I и II спряжении берется гласный аориста, суффикс *-л-*, окончания рода и числа, глагол *съм* для лица и числа (*пис-а-л-и сме*, *препис-ва-л-и сме*). Данный индекс имеет то же значение и в группе вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида, –

1,36 (45 : 33). У глаголов, которые мы называем вторичными глаголами, индекс равен 1 (33 : 33).

В конклюзивном перфекте, совпадающем с конклюзивным плюсквамперфектом, в качестве грамматических морфем взяты *л*-морфема лексемы *бил*, несущая признак **косвенной эвиденциальности** (поставленный в новую синтагматическую позицию, данный суффикс выражает не результативность, а косвенную эвиденциальность), окончания рода и числа, вспомогательный глагол *съм*, выражающий лицо и число, тематический гласный аориста и суффикс *-л-*, передающий результативность, а также окончание рода и числа (*би-л-и сме пис-а-л-и*, *би-л-и сме препис-ва-л-и*). Для форм глаголов I и II спряжения и вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида, индекс дискретизации грамматической информации равен 1,43 (60 : 42). У так называемых вторичных глаголов индекс равен 1,14 (48 : 42).

В совпадающих формах активного залога конклюзивного будущего времени и будущего в прошедшем за грамматические морфемы принимаются: во вспомогательном глаголе *щял* – *щ-*, выражающее следование; имперфективная морфема, несущая **относительную одновременность**, *-л*, маркирующее **косвенную эвиденциальность**, окончания рода и числа; вспомогательный глагол *съм*, выражающий лицо и число; темпоральный гласный настоящего времени и окончания лица и числа (*щ-е-л-и сме да пиш-е-м*, *щ-е-л-и сме да препис-ва-ме*). У вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида, индекс одинаковый. Он вычисляется следующим образом: 74 (число реальных грамматических морфем) : 45 (число положительных семантических нагрузок) = 1,64. У так называемых вторичных глаголов индекс равен 1,38 (62 : 45).

В совпадающих утвердительных формах активного залога конклюзивных будущего предварительного и будущего предварительного в прошедшем берутся следующие грамматические морфемы: во вспомогательном глаголе *щял* – *щ-*, выражающее следование, имперфективная морфема, несущая **относительную одновременность**, *-л*, маркирующее **косвенную эвиденциальность**, окончания рода и числа; вспомогательный глагол *съм*, выражающий лицо и число; темпоральный гласный аориста и *-л-* морфема результативности + окончания лица и числа. У вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида, индекс одинаковый (*щ-е-л-и сме да сме/бъдем пис-а-л-и*, *щ-е-л-и сме да сме/бъдем препис-ва-л-и*). Он вычисляется следующим образом: 102 (число реальных грамматических морфем) : 57 (число положительных

семантических нагрузок) = 1,79. У так называемых вторичных глаголов индекс равен 1,58 (62 : 45).

Мы не будет подробно останавливаться на утвердительных временных формах ренарратива в активном залоге, т.к. они совпадают с конклюзивными, учитывая, однако, выпадение вспомогательного глагола *съм* в 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. в ренарративе. Следовательно, для утвердительных форм ренарративного настоящего и имперфекта активного залога у глаголов I и II спряжения + у вторичных имперфективов + у форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида (*пиш-е-л-и сме*, *препис-ва-л-и сме*), индекс дискретизации грамматической информации составит 1,24 (41 : 33). Такое же значение у группы вторичных глаголов несовершенного вида и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного. В отличие от них, у глаголов, образованных от глаголов, существительных, прилагательных и междометий (называемых здесь вторичными глаголами), индекс равен 0,58 (19 : 33).

Те же значения наблюдаются и в ренарративном аористе для двух описанных групп глаголов (*пис-а-л-и сме*, *препис-ва-л-и сме*).

В совпадающих ренарративных утвердительных формах активного залога перфекта и плюсквамперфекта для глагольных форм I и II спряжения, а также для вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида (*би-л-и сме пис-а-л-и*, *би-л-и сме препис-ва-л-и*), индекс дискретизации грамматической информации равен 1,33 (56 : 42). У так называемых вторичных глаголов индекс равен 1,05 (44 : 42).

В ренарративных утвердительных формах активного залога будущего времени и будущего времени в прошедшем индекс дискретизации грамматической информации вычисляется следующим образом: 70 (число реальных грамматических морфем) : 45 (число положительных семантических нагрузок) = 1,56. У так называемых вторичных глаголов индекс равен 1,11 (50 : 45) (*щ-е-л-и сме да пиш-е-м*, *щ-е-л-и сме да препис-ва-ме*).

В ренарративных утвердительных формах активного залога будущего предварительного времени и будущего предварительного в прошедшем индекс дискретизации грамматической информации вычисляется следующим образом: 98 (число реальных грамматических морфем) : 57 (число положительных семантических нагрузок) = 1,72 (*щ-е-л-и сме да сме/бъдем пис-а-л-и*, *щ-е-л-и сме да сме/бъдем препис-ва-л-и*). У так называемых вторичных глаголов индекс равен 1,91 (86 : 45).

Сопоставление данных рисунков 8 и 9 дает возможность сделать вывод, что самая низкая усредненная степень дискретизации грамматической информации – в конклюзиве и в ренарративе, в изъявительных

утвердительных формах – у совпадающих настоящего времени и имперфекта, а также у аориста. Среднюю степень дискретизации грамматической информации имеют перфект + плюсквамперфект, а также будущее время и будущее время в прошедшем, а самую высокую усредненную степень дискретизации грамматической информации имеют будущее предварительное и будущее предварительное в прошедшем.

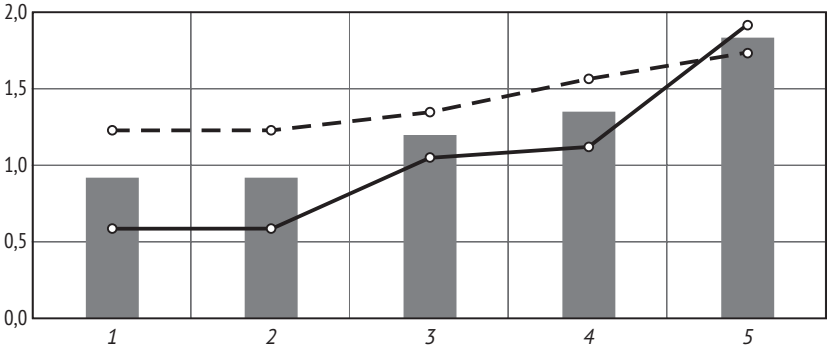

Рис. 9. Индекс дискретизации грамматической информации в конклюзивных положительных формах активного залога

1 – настоящее + имперфект; *2* – аорист; *3* – перфект + плюсквамперфект; *4* – будущее и будущее в прошедшем; *5* – будущее предварительное и будущее предварительное в прошедшем

▬ – вторичные глаголы; ▬ ▬ – глаголы I и II спряжения, вторичные несовершенного вида или несовершенного вида, образованные из первичных совершенного вида; ▩ – среднее значение

Fig. 9. Discretization index of grammatical information in conclusive positive forms of the active voice

1 – present + imperfect; *2* – aorist; *3* – perfect + pluperfect; *4* – the future and the future in the past; *5* – future perfect and future perfect in the past

▬ – secondary verbs; ▬ ▬ – verbs of the I and II conjugations, secondary imperfective or imperfective, formed from primary perfective; ▩ – mean value

Произвести вычисление значений индекса дискретизации грамматической информации в утвердительных формах дубитатива активного залога не составляет труда, т.к. они будут иметь то же значение, что и конклюзивные, потому что на месте вспомогательного глагола *съм* в настоящем времени стоит пресказывательная форма *бил* в соответствующем роде и числе, т.е. к грамматическим морфемам необходимо прибавить только морфемы рода и числа формы *бил*. Кроме того, необходимо вычислить и степень маркированности (положительную семантическую нагрузку).

Для утвердительных форм активного залога дубитативного настоящего и имперфекта для глаголов I и II спр. + для вторичных имперфективов + для форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного, индекс дискретизации грамматической информации равен 1,53 (69 : 45) (*би-л-и сме пиш-е-л-и*, *би-л-и сме препис-ва-л-и*). То же значение имеет индекс дискретизации грамматической информации у группы вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида. В отличие от них у глаголов, образованных от глаголов, существительных, прилагательных и междометий (называемых здесь вторичными глаголами), индекс равен 1,27 (57 : 45) (рис. 10).

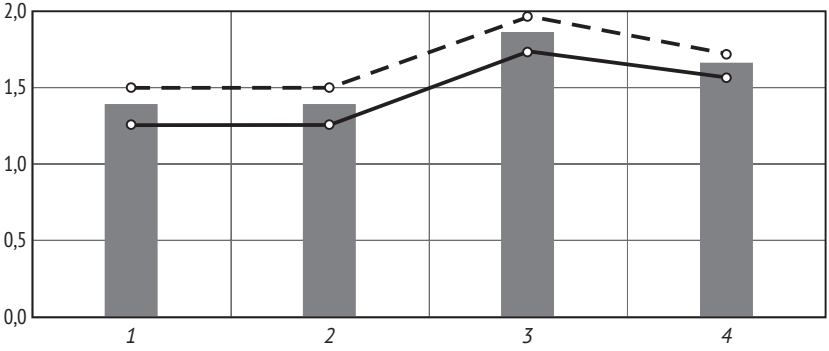

Рис. 10. Индекс дискретизации грамматической информации в положительных дубитативных формах активного залога

1 – настоящее + имперфект; *2* – аорист; *3* – будущее и будущее в прошедшем; *4* – будущее предварительное и будущее предварительное в прошедшем

▬ – вторичные глаголы; ▬ ▬ – глаголы I и II спряжения, вторичные несовершенного вида или несовершенного вида, образованные из первичных совершенного вида; ▒ – среднее значение

Fig. 10. Discretization index of grammatical information in positive dubitative forms of the active voice

1 – present + imperfect; *2* – aorist; *3* – the future and the future in the past; *4* – future perfect and future perfect in the past

▬ – secondary verbs; ▬ ▬ – verbs of the I and II conjugations, secondary imperfective or imperfective, formed from primary perfective; ▒ – mean value

Те же два значения фиксируются и в дубитативном аористе для двух описываемых групп глаголов (*бил-и сме пис-а-л-и*, *би-л-и сме препис-ва-л-и*).

Не существует дубитативных форм перфекта и плюсквамперфекта.

В утвердительных дубитативных формах активного залога будущего времени и будущего времени в прошедшем индекс дискретизации грамматической информации вычисляется следующим образом: 89 (число реальных грамматических морфем) : 45 (число положительных семантических нагрузок) = 1,98. У так называемых вторичных глаголов индекс равен 1,75 (79 : 45) (*щ-е-л-и сме би-л-и да пиш-ем, щ-е-л-и сме би-л-и да препис-ва-ме*).

В утвердительных дубитативных формах активного залога будущего предварительного и будущего предварительного в прошедшем индекс дискретизации грамматической информации вычисляется следующим образом: 120 (число реальных грамматических морфем) : 69 (число положительных семантических нагрузок) = 1,74. У так называемых вторичных глаголов индекс равен 1,58 (109 : 69) (*щ-е-л-и сме били да сме/бъдем пис-а-л-и, щ-е-л-и сме да сме/бъдем препис-ва-л-и*).

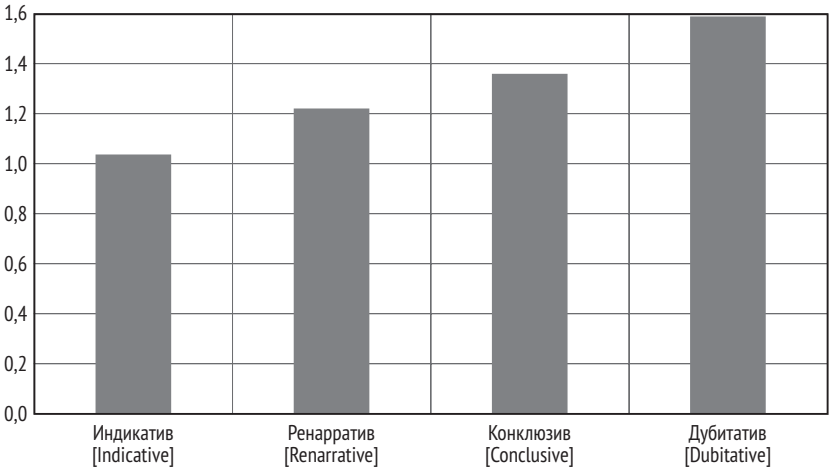

Рис. 11. Индекс дискретизации грамматической информации в четырех эвиденциалах, положительная форма, активный залог

Fig. 11. Discretization index of grammatical information in four evidentials, positive form, active voice

Самый высокий индекс дискретизации грамматической информации наблюдается в утвердительных формах активного залога будущего времени и будущего времени в прошедшем, затем идет индекс будущего предварительного и будущего предварительного в прошедшем, а самый низкий – у настоящего времени и имперфекта, совпадающий с индексом аориста (см. рис. 10).

Для каждого из четырех эвиденциалов (утвердительные формы, активный залог) можно вычислить среднюю степень дискретизации грамматической информации, чтобы установить иерархию четырех частных парадигм согласно этому индексу (рис. 11).

Самое высокое значение имеет индекс дискретизации грамматической информации дубитатива, затем следует конклюзив, ренарратив и самое низкое значение этого индекса – у индикатива.

3. Заключение

В представленной работе предложены аргументы, свидетельствующие о том, что процесс грамматикализации категории эвиденциальности в болгарском языке не завершен. Доказательством этому является тот факт, что отрицательные формы времен следования конклюзива, ренарратива и дубитатива во всех трех залогах отличаются формальной вариантивностью членов парадигмы. Современное состояние 14 эвиденциальных микропарадигм – положительных и отрицательных – характеризуется пятью типологическими индексами, предложенными Г. Герджиковым [Герджиков, 1990, 1997, 2013].

У индикативной положительной парадигмы больше всего членов, это делает ее микропарадигмой с наивысшим значением индекса маркированности члена парадигмы. Она отличается и самой высокой степенью синтетизма среди 14 рассматриваемых эвиденциальных микропарадигм и, соответственно, наиболее низкой степенью аналитизма.

Четыре дубитативных микропарадигмы являются самыми бедными по количеству членов, что объясняет и тот факт, что все три отрицательных дубитативных варианта обладают самыми низкими значениями индекса маркированности члена парадигмы.

По индексу степени синтетизма за индикативными как самые синтетичные следуют разные микропарадигмы ренарратива, после них на третьем месте – парадигмы конклюзива, на четвертом – дубитатива.

При сопоставлении значений индексов аналитизма, синтетизма и композитности видно, что наличие безличного форманта (*нямало* у ренарратива и *нямало било* у дубитатива) в вариантах отрицательных парадигм ведет к более низкой степени аналитизма в сравнении с другими конкурентными отрицательными микропарадигмами. Это случаи конденсации парадигмы (уменьшение степени композитности), что является одной из причин более частого употребления этих отрицательных форм в сопоставлении с двумя остальными отрицательными вариантами у ренарратива и дубитатива.

Становится очевидно, что, когда в процессе грамматикализации в болгарском языке присутствуют конкурирующие варианты членов

частных парадигм с высокой степенью композитности (каковы, например, ренарративные с формантом *нямало съм* и с отрицательной частицей *не* и дубитативные отрицательные формы времен следования, образованные с частицей *не* или с формантом *нямало съм бил*), наблюдаются варианты микропарадигм, показывающие более низкую степень композитности и аналитизма (с формантом *нямало* у ренарратива и *нямало било у* дубитатива), что является стремлением к относительному увеличению синтетичности. Это наблюдается и при отрицательных ренарративных, и при отрицательных дубитативных формах. У конклюзива эта тенденция имеет несколько другой характер: при конкуренции трех вариантов отрицательной парадигмы времен следования один из этих вариантов показывает унификацию форм навязыванием безличного форманта *нямало е* во всех лицах ед. ч. и мн. ч., сохраняя наиболее характерный отличительный признак конклюзива – удержание формы 3 л. вспомогательного глагола *съм*.

В настоящей работе мы представили значение индекса дискретизации грамматической информации только в утвердительных формах активного залога в четырех эвиденциалах. Мы остановились на данном индексе, т.к. он связан с важнейшей тенденцией в развитии индоевропейских языков от синтетизма к аналитизму – стремлением к распределению грамматической информации на большее количество элементов в плане выражения.

Мы считаем, что индекс дискретизации грамматической информации связан и со степенью композитности. Формы с самой высокой степенью композитности – а это дубитативные формы с индексом композитности 4,75 – обладают и самой высокой степенью дискретизации грамматической информации, т.е. грамматическая информация распределена между большим количеством морфем в плане выражения. Индикативные формы, отличающиеся самой низкой степенью композитности – 2,75, имеют и самую низкую степень дискретизации грамматической информации, т.е. грамматическая информация (семантические нагрузки, т.е. плюсы из табл. 1) распределяются между наименьшим количеством грамматических морфем в плане выражения, а это означает, что степень объединения грамматических значений высока. Индекс композитности ренарратива 3,40, а дискретизация грамматической информации – 1,22. В конклюзиве, где в третьем лице присутствует еще один вспомогательный глагол, грамматическая информация распределяется и на него, что приводит к более высокой, нежели у ренарратива, степени дискретизации грамматической информации – 1,36, при индексе композитности 3,36.

Очевидно, что чем выше значение индекса композитности, тем выше индекс дискретизации грамматической информации. Это полностью подкрепляет теорию Г. Герджикова, что высокий показатель *d* (дискретизация грамматической информации) достигается повышением степени композитности и степени полиморфемности в парадигме болгарского глагола.

Библиографический список / References

Алексова, 2015 – Алексова Кр. Значение и форми на дубитатива в съвременния български език // Да (пре)откриваш думите. Юбилеен сборник, посветен на проф. д.ф.н. Вера Маровска. Д. Иванова, Кр. Чакърова (съст.). Пловдив, 2015. С. 35–48. [Aleksova Kr. Meaning and forms of the dubitative in modern Bulgarian. *To* (*re*)*discover words. Jubilee collection dedicated to Prof. Vera Marovska.* D. Ivanova, Kr. Chakarova (eds.). Plovdiv, 2015. Pp. 35–48. (In Bulgarian)]

Алексова, 2021а – Алексова Кр. Вариантността в парадигма на следходните времена в конклузив и ренаратив и синтагматичните параметри на граматикализацията // ШЬСТВОУѢ НЫНѢ ПО СЛѢДОУ ОУЧИТЕЛЮ. Сборник в чест на проф. д.ф.н. Анна-Мария Тотоманова. Т. Славова, Г. Ганева, М. Тотоманова-Панева, Д. Атанасова (съст.). София, 2021. С. 563–581. [Aleksova Kr. The variation in the paradigm of the future conclusive and renarrative tenses and the syntagmatic parameters of the grammaticalization. *Contributions in honor of Prof. Ds. Anna-Maria Totomanova.* T. Slavova, G. Ganeva, M. Totomanova-Paneva, F. Atanasova (eds.). Sofia, 2021. Pp. 536–581. (In Bulgarian)]

Алексова, 2021б – Алексова Кр. Вариантността в негативната парадигма на дубитатива в съвременния български език // Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език “Проф. Л. Андрейчин” (София, 2021 година). Св. Коева, М. Стаменов (съст.). I т. София, 2021. С. 39–47. [Aleksova Kr. The variability in the negative paradigm of the dubitative in modern Bulgarian. *Proceedings of the International Annual Conference of the Institute for Bulgarian Language “Prof. L. Andreychin”* (*Sofia, 2021*). Vol. I. Sofia, 2021. Pp. 39–47. (In Bulgarian)]

Герджиков, 1983 – Герджиков Г. Тенденцията към аналитизъм – определение, метод за измерване, причини, следствия // Съпоставително езикознание. 1983. № 5. С. 46–55. [Gerdzhikov G. The tendency of analyticity – definition, method of measurement, causes, results. *Contrastive Linguistics*. 1983. No. 5. Pp. 46–55. (In Bulgarian)]

Герджиков, 1990 – Герджиков Г. Развоят на индоевропейските езици към аналитизъм и някои всеобщи типологически зависимости // Съпоставително езикознание. 1990. № 4–5. С. 151–157. [Gerdzhikov G. The development of Indo-European languages into analyticity and some general typological dependencies. *Contrastive Linguistics.* No. 4–5. Pp. 151–157. (In Bulgarian)]

Герджиков, 1997 – Герджиков Г. Die Gesetze der gramatischen Paradigmata und die morphologische Typologie der Sprachen // Съпоставително езикознание. № 2. С. 30–41. [Gerdzhikov G. Die Gesetze der gramatischen Paradigmata und die morphologische Typologie der Sprachen. *Contrastive Linguistics.* 1997. No. 2. Pp. 30–41.]

Герджиков, 2013 – Герджиков Г. Законите на граматическите парадигми и морфологическата типология на езиците // Георги Герджиков. Избрани студии и статии по езикознание. Кр. Алексова (съст.). София, 2013. С. 286–302. [Gerdzhikov G. The laws of grammatical paradigms and the morphological typology of languages. *Georgi Gerdzhikov. Izbrani studii i statii po ezikoznanie*. Kr. Aleksova (ed.). Sofia, 2013. Pp. 286–302. (In Bulgarian)]

Котова, Янакиев, 2001 – Котова Н., Янакиев М. Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком. М., 2001. [Kotova N., Yamakiev M. Grammatika bolgarskogo yazyka dlya vladeyushchikh russkim yazykom [The grammar of Bulgarian for Russian speakers]. Moskow, 2001.]

Куцаров, 2007 – Куцаров Ив. Теоретична граматика на българския език. Морфология. Пловдив, 2007. [Kutsarov Iv. Teoretichna gramatika na balgarskiya ezik. Morfologiya [Theoretical grammar of Bulgarian. Morphology]. Plovdiv, 2007.]

Макарцев, 2014 – Макарцев М. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. М., 2014. [Makartsev M. Evidentsialnost v prostranstve balkanskogo teksta [Evidentiality in the space of Balkan text]. Moskow, 2014.]

Маровска, 2005 – Маровска В. Новобългарският перфект. София, 2005. [Marovska V. Novobolgarskiyat perfekt [The new Bulgarian perfect]. Sofia, 2005.]

Маровска, 2013 – Маровска В. Референция и реферираме в света на езика. Пловдив, 2013. [Marovska V. Referentsiya i referirane v sveta na ezika [Reference and referencing in the world of language]. Plovdiv, 2013.]

Ницолова, 2007 – Ницолова Р. Модализованная эвиденциальная система болгарского языка // Эвиденциальность в языках Европы и Азии / Отв. ред. В. Храковский. СПб., 2007. С. 107–197. [Nitsolova R. Mofalized evidential system in Bulgarian. *Evidentsialnost v yazykakh Evropy i Azii*. V. Hrakovskij (ed.). St. Petersburg, 2007. Pp. 107–197. (In Rus.)]

Ницолова, 2008 – Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София, 2008. [Nitsolova R. Balgarska gramatika. Morfologiya [Bulgarian Grammar. Morphology]. Sofia, 2008.]

Пашов, 1976 – Пашов П. Българските глаголни времена. (За основните им значения и онагледяването им със схеми и формули) // Помагало по българска морфология. Глагол. П. Пашов, Р. Ницолова (съст.). София, 1976. С. 186–210. [Pashov P. Bulgarian verb tenses. (For their main meanings and their illustration with schemes and formulas). *Pomagalo po balgarska morfologiya*. *Glagol*. P. Pashov, R. Nitsolova (eds.). Sofia, 1976. Pp. 186–210. (In Bulgarian)]

Плунгян, 2003 – Плунгян Вл. Общая морфология: Введение в проблематику. Изд. 2-е. М., 2003. [Plungjan V. Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku [General morphology: Introduction to the problem]. 2nd ed. Moskow, 2003.]

Стоянов, 1983 – Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 2. Морфология. Ст. Стоянов (гл. ред.). София, 1983. [Gramatika na savremenniya balgarski knizhoven ezik [Grammar of Modern Bulgarian]. Vol. 2. Morphology. Sofia,1983.]

Търпоманова, 2014 – Търпоманова Е. Евиденциалност в балканските езици: български и албански. София, 2014. [Tarpomanova E. Evidentsialnost v balkanskite ezitsi: balgarski i albanski [Evidentiality in Balkan languages: Bulgarian and Albanian]. Sofia, 2014.]

Bornkessel-Schlesewsky, Malchukov, Richards, 2015 – Scales and hierarchies: A cross-disciplinary perspective. I. Bornkessel-Schlesewsky, A.L. Malchukov, M. Richards (eds.). Berlin, 2015.

Cowgill, 1966 – Cowgill W. A search for universals in Indo-European diachronic morphology. *Universals of language.* J. Greenberg (ed.). Second ed. Massachusetts; London, 1996. Pp. 114–141.

Cysouw, 2007 – Cysouw M. New approaches to cluster analysis of typological indices. *Exact Methods in the Studies of Language and Text*. P. Grzybek, R. Köhler (eds). De Gruyter, 2007. Pp. 61–75.

Greenberg, 1960 – Greenberg J. A Quantitative approach to the morphological typology of language. *International Journal of American Linguistics*. 1960. Vol. 26. No. 3. Pp. 178–194.

Köhler, Altmann, Piotrowski, 2005 – Köhler R., Altmann G., Piotrowski R.G. Quantitative Linguistics. Handbooks of Linguistics and Communication Science. Berlin; New York, 2005.

Lindstedt, 1981 – Lindstedt J. Един цялостен подход към аналитизма на българския език // Българистични изследвания: Първи българо-скандинавски симпозиум, 24–30 септември 1979 г. П. Пашов, С. Брезински, М. Цанева (съст. и ред.). София, 1981. С. 12–19. [Lindstedt J. A comprehensive approach to the analysis of the Bulgarian language. *Bulgarian Studies*: *First Bulgarian-Scandinavian Symposium*, *September 24–30*, *1979*. Sofia, 1979. Pp. 12–19. (In Bulgarian)]

Smirnova, 2013 – Smirnova A. Evidentiality in Bulgarian: Temporality, Epistemic Modality, and Information Source. *Journal of Semantics. 2013*. No. 30 (4). Pp. 479–532.

Статья поступила в редакцию 27.07.2022
The article was received on 27.07.2022

Об авторе / About the author

Алексова Красимира – D.Sc. (лингвистика); профессор кафедры болгарского языка факультета славянской филологии, Софийский университет имени Св. Климента Охридского, Республика Болгария

Kr. Aleksova – D.Sc. in Linguistics; Professor at the Department of Bulgarian of the Faculty of Slavic Studies, Sofia University St. Kliment Ohridski, Sofia, Republic of Bulgaria

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3205-9958
E-mail: krasimiraaleksova@gmail.com